

1883–1924

«[Его] сочинения напоминают страшные сны. Они с необыкновенной точностью... живописуют мир, где человек и прочие твари подвластны священным, но смутным, не доступным полному пониманию законам; они ведут опасную для жизни игру, выйти из которой не в силах. Правила этой игры удивительны, сложны... отличаются глубиной и полны смысла, но полное овладение ими в течение одной человеческой жизни невозможно, а значение их, как бы по прихоти неведомой силы... постоянно меняется».

Герман Гессе

классика
|B|
кармане

классика в кармане

Ф. КАФКА

классика
в кармане

Замок

Ф. КАФКА

классика
в кармане

«Замок» Кафки — подобие хорошо укрепленного гарнизона, где обитают гностические демоны, успешно ведущие оборону против наступления мятущейся души... Служащие замка совершенно глухи к добру, чтобы не сказать большего; они положительно безразличны. Ни в указах, ни в поступках этих людей нет и следа любви, сострадания, милосердия или величия. Закованные в броню ледяного равнодушия и беспристрастности, они внушают... лишь страх и дрожь отвержения».

Эрик Хеллер

www.bmm.ru

www.trade.bookclub.ua

Ф. КАФКА

Замок

Замок

*классика
в кармане*

Ф. КАФКА

Замок

Москва

УДК 821.112.2(436)

ББК 84(4)

К30

Проект Д. Е. Веселова

Вступительная статья *В. Бенъямина*

Комментарии *М. Ю. Кореневой*

Перевод вступительной статьи и дополнительных глав *М. Л. Рудницкого*

Печатается по изданиям:

Бенъямин В. Франц Кафка = Franz Kafka / пер. М. Л. Рудницкого. —
М. : Ad Marginem, 2000.

Кафка Ф. Замок / пер. Р. Райт-Ковалевой ; изд. под ред. А. В. Гулыги. —
М. : Наука, 1990. (Серия «Литературные памятники»).

В оформлении обложки использованы
фрагмент картины Гильема Виктора ван дер Хехта «Развалины замка
Кенилворт» и фото (Ф. Кафка) Сигизмунда Якоби

Иллюстрации из издания: Иллюстрированный путеводитель по Праге
и Королевству Чешскому : Юбилейное издание / Изд. Чешский областной Союз
поощрения посещения иностранцами Королевства Чешского. — Прага, 1908.

Литературно-художественное издание

Серия «Классика в кармане»

КАФКА Франц

Замок

Дизайнеры обложки *Т. Н. Коровина, Я. В. Крутий*

Дизайнер-верстальщик *Е. М. Залпаева*

Подписано в печать 01.10.2012. Формат 76x100/32.

Усл. печ. л. 19,0. Тираж 5000 экз. Заказ №

ЗАО «БММ», г. Москва, Проспект Мира, д. 68, стр. 1А. Тел. (495) 984-35-23;
e-mail: office@bmm.ru

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 61140, Харьков-140,
пр. Гагарина, 20а; e-mail: sor@bookclub.ua. Св. № ДК65 от 26.05.2000

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНИСОФТ»

Свидетельство ДК № 3461 от 14.04.2009 г.

Украина, 61045, г. Харьков, ул. О. Яроша, 18

© И. С. Веселова, составление, 2012

© Рита Райт-Ковалева,
перевод на русский язык, 2012

© М. Л. Рудницкий,
перевод на русский язык, 2012

© М. Ю. Коренева, комментарии, 2012

© Nemiro Ltd, 2012

© ЗАО «Фирма Бертельсманн Медиа
Москва АО», 2012

© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2012

ISBN 978-5-88353-475-0 (серия)

ISBN 978-5-88353-495-8 (БММ)

ISBN 978-966-14-4618-1 (КСД)

Вальтер Беньямин

Франц Кафка:
как строилась китайская стена

В самое начало я ставлю маленький рассказ, взятый из произведения, обозначенного в заглавии, и призванный показать две вещи: величие данного писателя и неимоверную сложность сие величие засвидетельствовать. Кафка якобы излагает в нем китайское предание:

«Тебе, говорится в нем, жалкому подданному, крошечной тени, бежавшей от солнечного блеска императора в самую несусветную даль, именно тебе император послал со своего смертного одра некую весть. Он приказал вестнику опуститься на колени возле своего ложа и шепотом эту весть ему сообщил. И так как императору очень важно было, чтобы весть его дошла по назначению, он заставил вестника все сказанное повторить ему на ухо. Потом кивком император подтвердил правильность услышанного. И при всех свидетелях его кончины, — застывшие взгляд стены были снесены, и на широких, уходящих ввысь лестницах выстроилась кругом вся знать государства, — при всех них император отправляет вестника в путь. Вестник тотчас бросается исполнять приказ, это сильный, неутомимый человек; действуя то одной рукой, то другой, прокладывает он себе дорогу сквозь толпу собравшихся; если же кто-то не дает ему прохода, он указывает себе на грудь, на которой у него знак солнца; легко, как никто другой, продвигается он вперед. Но толпа огромна, ее обиталищам, как и ей самой, не видно конца. Если бы перед вестником открылось широкое поле, как бы он помчался, как полетел, и ты, наверно, уже вскоре услышал бы торжественные удары его кулаков в твою дверь. Но вместо этого он бесплодно растрчивает свои усилия; пока что он все еще проталкивается через покои

во внутренней части дворца; ему никогда их не миновать; но даже минуя он их, он ничего бы не достиг; ведь ему бы предстояло еще проталкиваться вниз по лестницам, а если бы вдруг удалось и это, он все равно ничего бы не достиг, ибо еще предстояло бы миновать дворы, а после дворов — второй дворец, наружный, и снова лестницы и двери, и потом еще один дворец, и так сквозь тысячелетия, и если бы вдруг он наконец опрометью выбежал из последних ворот, — но этого никогда, никогда не будет, — перед ним сперва раскинется императорская столица, пуп земли и центр вселенной, битком набитая осевшими в ней обитателями. Вот уж сквозь эти людские толщи никому не пройти, пусть даже и с вестью от умирающего. — Ты же сидишь у своего окошка, коротаешь вечер и тщетно пытаешься эту весть вообразить»¹.

Я вам эту историю толковать не стану. Чтобы догадаться, что под человеком, к которому эти слова обращены, подразумевается прежде всего сам Кафка, мои подсказки не нужны. Только вот кем был Кафка? Он все сделал, чтобы забаррикадировать нам путь к ответу на этот вопрос. Несомненно, конечно, что в центре всех своих романов стоит он сам, но события, которые с ним стрясаются, как будто нарочно призваны сделать незаметным, свести на нет того, кто их переживает, задвинув его в самую сердцевину банальности. Так что в итоге шифр-инициал К., которым обозначен главный герой его книги «Замок», говорит нам о нем ровно столько же, сколько сказала бы буква, которую можно обнаружить на носовом платке или на подкладке шляпы, о личности бесследно исчезнувшего человека. Впрочем, тем легче слагать об этом Кафке легенды в том смысле, что он, дескать, всю жизнь пытался выяснить, как он выглядит, так и не удосужившись узнать, что для этого существует зеркало.

Возвращаясь к истории, рассказанной в начале, я хочу все же в самых общих чертах намекнуть, как Кафку истолковывать не надо, поскольку это, к сожалению, почти единственный способ отнестись ко всему, что о нем уже сказано. Подвести под книги Кафки какую-либо религиозно-философскую схему несложно,

¹ С небольшими текстуальными искажениями Бенъямин цитирует фрагмент новеллы Кафки «Как строилась великая китайская стена». (*Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, примеч. пер.*)

такое решение само собой напрашивается. Вполне также допускаю, что даже близкое общение с писателем, какое выпало, скажем, Макс Броду, заслуженному издателю произведений Кафки, могло вызвать к жизни подобную мысль или кого-либо укрепить в этой мысли. Тем не менее смею утверждать, что мысль эта уводит нас очень далеко от мира Кафки, больше того — она этот мир убивает. Разумеется, довольно трудно опровергнуть утверждение, что Кафка стремился в своем романе «Замок» запечатлеть высшую силу и чертоги благодати, в «Процессе» — нижние пределы, юдоль суда и проклятия, в последнем же крупном своем произведении — в «Америке» — земную жизнь, и все это, конечно же, в теологическом смысле.¹ С одной только оговоркой, что подобный метод дает гораздо меньше результатов, чем, несомненно, куда более трудоемкий путь толкования творчества писателя из самой сердцевины его образности. Один лишь пример: процесс против Йозефа К. ведется посреди затрапезных буден, на задних дворах, в обшарпанных приемных и так далее, причем происходит это всякий раз в новых, самых неожиданных местах, где обвиняемый оказывается не столько по своей осознанной воле, сколько по недоразумению, чаще всего заблудившись. Так, в один прекрасный день его заносит на какой-то чердак. У самого потолка чердак к тому же обнесен галереями, где столпились люди, пришедшие на заседание суда; они приготовились к долгому разбирательству; но там, на галереях, нелегко долго выдержать; потолок — а он у Кафки почти всегда низкий — на сей раз прямо-таки навалился им на плечи; поэтому они взяли с собой подушечки, чтобы легче было упираться в потолок затылком и шеей. — Но это ведь образ, в точности известный нам как капитель — украшенное жуткими образинами навершие на колоннах многих средневековых церквей. Разумеется, и речи нет о том, что Кафка намеревался изобразить

¹ Willy Haas, *Gestalten der Zeit*, 1930, Berlin, S. 175. (Примеч. автора) Цитируя эту работу, Беньямин разделяет заблуждение многих исследователей своего времени, выстраивавших хронологию написания романов Кафки в соответствии с их выходом в свет (уже после смерти автора). На самом деле «Америка» («Пропавший без вести», 1913–1914) — первый опыт Кафки в жанре романа, «Процесс» писался в 1914–1915 гг., «Замок» — в 1922 г.

именно ее. Однако если считать его произведения зеркальным отражением, то и эта, давно канувшая в прошлое капитель вполне может оказаться неким неосознанным предметом такого отображения, так что толкователю отражения следовало бы искать ее смысл так же далеко в зазеркалье, как далеко находится отображаемый предмет от поверхности зеркала. Иными словами — так же далеко в будущем, как капитель удалена в прошлое.

Искусство Кафки — искусство пророческое. Поразительно точно изображенные странности, коими так наполнена воплощенная в этом искусстве жизнь, читатель должен понимать не более как знаки, приметы и симптомы смещений и сдвигов, наступление которых во всех жизненных взаимосвязях писатель чувствует, не умея, однако, в этот неведомый и новый порядок вещей себя «вставить». Так что ему ничего не остается, кроме как с изумлением, к которому, впрочем, примешивается и панический ужас, откликаться на те почти невразумительные искажения бытия, которыми заявляет о себе грядущее торжество новых законов. Кафка настолько этим чувством полон, что вообще невозможно помыслить себе ни один процесс, который в его описании — а в данном случае это всего-навсего процесс юридического расследования — не подвергся бы искажениям. Иными словами, все, что он описывает, призвано «давать показания» отнюдь не о себе, а о чем-то ином. Сосредоточенность Кафки на этом своем главном и единственном предмете, на искажении бытия, может вызвать у читателя впечатление мании, навязчивой идеи. Но по сути и это впечатление, равно как и безутешная серьезность, отчаяние во взгляде самого писателя есть всего лишь следствие того, что Кафка с собственно художественной прозой порвал. Возможно, проза его ничего и не доказывает; но в любом случае самый строй, самая фактура ее таковы, что они в любое время могут быть поставлены в доказательный контекст. Имеет смысл напомнить здесь о форме агады — так у иудеев называются истории и анекдоты, сочиненные раввинами, призванные служить разъяснению и подкреплению учения, Галахи. Так же, как тексты агады в талмуде, так и эти книги суть повествование в духе агады, которое то и дело останавливается, мешкает, распинается в многословных описаниях, пребывая в постоянной надежде, но и в страхе, что оно

вот-вот столкнется лицом к лицу с правилом и порядком учения, с буквой и духом Галахи.

Да, именно промедление и составляет подлинный смысл той странной, иногда просто поразительной повествовательной дотошности, в которой, как считает Макс Брод, отразилось стремление Кафки к совершенству и его упорство в поисках истинного пути. «Ко всем серьезным вещам на свете, — пишет Брод, — приложимо то, что говорит о загадочных письмах властей девушка в романе «Замок»: “Размышления, к которым они побуждают, поистине нескончаемы”»¹. На самом же деле в нескончаемости этой у Кафки явлена боязнь конца. Проще говоря, его повествовательная дотошность имеет совершенно иной смысл, чем просто подробность того или иного романного эпизода. Романы самодостаточны. Книги Кафки таковыми не являются никогда, это истории, чреватые моралью, которую они долго вынашивают, но на свет не произведут никогда. Если уж на то пошло, он как писатель и учился вовсе не у великих романистов, а у гораздо более скромных авторов, у рассказчиков. Моралист Хебель и почти непостижимый уму швейцарец Роберт Вальзер² всегда были среди его любимых авторов. — Мы начали с того, насколько сомнительное это дело — подгонять творчество Кафки под религиозно-философские конструкции, в итоге чего замковая гора превращается в обитель милости и благодати. А вот то, что книги эти остались незавершенными — это и есть, пожалуй, торжество благодати в этих фрагментах. Что закон как таковой так ни разу и не берет слова — именно в этом, но ни в чем другом, и есть милостивое снисхождение этих незаконченных романов к читателю.

Кто все еще сомневается в этой истине, пусть утвердится в ней, прочтя о том, что сам автор в дружеской беседе сообщал Макс Броду о планируемой концовке «Замка». После долгих и бесправных мытарств в той самой деревне, полностью обессиленный своей тщетной борьбой, К. лежит на смертном одре.

¹ Max Brod, Nachwort; in: Franz Kafka, Das Schloß, München, 1926, S. 503. (Примеч. автора.)

² Хебель, Иоганн Петер (1760–1826), Вальзер, Роберт (1878–1956) — швейцарские писатели, творчество которых Кафка действительно высоко ценил.

И тут, наконец, является вестник из замка и приносит долгожданное, решающее известие: хотя заявитель и не имеет никакого законного права на жительство в деревне, ему, учитывая известные побочные обстоятельства, дозволяется здесь жить и работать. Тут-то как раз заявитель и умирает. — Вы, конечно, почувствовали, что рассказ этот того же свойства, что и легенда, с которой я начал. Макс Брод, кстати, сообщил, что Кафка, живописуя эту деревню у подножья замковой горы, имел в виду вполне конкретное место — селение Цюрау¹ в Рудных горах. Я, со своей стороны, более склонен узнать в ней деревню из талмудистской легенды. Эту легенду раввин рассказывает в ответ на вопрос, почему иудею в пятницу вечером можно готовить праздничную трапезу. Он рассказывает о принцессе, что томится в ссылке вдали от своих земляков, в глухой деревне, даже не зная языка ее обитателей. И вот однажды эта принцесса получает письмо: ее нареченный ее не забыл, он собрался к ней и уже в пути. — Нареченный, — объясняет раввин, — это мессия, принцесса — это душа, а вот деревня, куда она сослана, — это тело. И поскольку душа никаким иным способом не может сообщить тем, чьего языка она не знает, о своей радости, она готовит для тела праздничную трапезу.

Достаточно легкого смещения акцентов в этой талмудистской легенде — и мы окажемся в самой сердцевине кафковского мира. Ибо как К. живет в деревне у замковой горы, точно так же современный человек живет в своем теле: чужак, отщепенец, вытолкнутый из бытия, он ничего не знает о законах, которые связывают это его тело с иными, высшими порядками. С этой точки зрения богатую пищу для размышлений дает то обстоятельство, что у Кафки в центре его рассказов так часто оказываются животные. Истории, в которых у Кафки действуют животные, иной раз довольно долго читаешь, вообще не понимая, что речь в них идет вовсе не о людях. И лишь наткнувшись на наименование твари, — мыши или крота, — испуганно вздрагиваешь и только тут замечаешь, насколько далеко унесло тебя от человеческого континента. Кстати, и выбор животных, в чьи размышления

¹ В Цюрау (Зиржем в совр. Чехии), где жила младшая и любимая сестра Кафки Оттла, Кафка прожил с сентября 1917 по апрель 1918 г. сразу после того, как у него открылась чахотка.

Кафка облакает свои, вполне значим. Это все животные, которые либо обитают под землей, либо, как жук из «Превращения», по меньшей мере способны заползать во всевозможные углубления и щели. Такое вот заползновение в укромность, похоже, представляется писателю единственно подходящим способом отношения к окружающему миру для изолированного, не ведающего законов этого мира представителя его поколения. Но эта беззаконность — благоприобретенная; Кафка не устает на все лады обозначать и изображать миры, о которых он повествует, как старые, трухлявые, отжившие, затхлые. К обиталищам, в которых разыгрывается «Процесс», это относится в той же мере, что и к распоряжениям, по которым все заведено «В исправительной колонии», или к сексуальным повадкам женщин, что не оставляют К. своей заботой и поддержкой в «Замке». Но не только в образах женщин, которые все подвержены безграничному промискуитету, запустение этого мира явлено с осязаемой, пугающей наглядностью; с тем же бесстыдством его прокламирует всеми своими действиями и бездействиями и высшая власть, про которую очень верно замечено, что она точно так же по-кошачьи жутко играет со своими жертвами, как и власть низшая. «Оба мира являют собой полутемный, пыльный, узкогрудый, плохо проветриваемый лабиринт канцелярий, кабинетов, приемных с его необозримой иерархией мелких и больших, очень больших и просто недостижимых чиновников и ассессоров, писарей и адвокатов, швейцаров и курьеров на побегушках, которые вкуче производят впечатление почти пародии на смешную и бессмысленную бюрократическую колготу всего канцелярского сословия»¹. Сразу видно: и эти, высшие, настолько лишены закона, что оказываются в наших глазах на одной доске с низшими, — там, где без всяких перегородок и различий кишат твари всех уровней, степеней и порядков, втайне солидарные друг с другом лишь в одном единственном чувстве — страхе. Страхе, который даже не реакция, а просто орган. И в принципе совсем не трудно определить, на что у этого страха в любое время «задействовано» острейшее и безошибочное чутье. Но прежде, чем распознать предмет чутья, задумаемся о причудливой

¹ Willy Haas, *Gestalten der Zeit*, a.a. O. S. 176. (Примеч. автора.)

двусоставности самого этого органа. Этот страх — и тут я хочу напомнить о сравнении с зеркалом в начале — одновременно и в равной мере есть страх перед древним, непомышляемо далеким прошлым — и страх перед надвигающимся, тем, что наступит вот-вот. Это, чтобы не ходить долго вокруг да около, страх перед неведомой виной и страх перед карой, в которой одно только есть благо — что она проясняет, делает известной вину.

Ибо точнейшим образом запечатленное искажение, столь характерное для кафковского мира, потому так и трогает нас за живое, что, покуда все бывшее себя не распознало и тем самым не свело на нет, всё грядущее, новое и высвобождающее грезится здесь в образе кары. Вот почему Вилли Хаас совершенно прав, когда расшифровывает неведомую вину, что навлекает процесс на Йозефа К., как забвение¹. Этими конфигурациями забвения, умоляющими призывами к нам наконец-то вспомнить и опомниться, творчество Кафки заполнено сплошь, — достаточно указать на «Заботы отца семейства», где про странную говорящую шпульку ниток по имени Одрадек никто не может вспомнить, что она такое есть, или на жука-навозника из «Превращения», про которого мы слишком хорошо помним, кем он был, а был он человеком, или на «Гибрид»², животное, полукошку-полуягненка, для которого, наверное, нож мясника был бы избавлением.

*Иль хочу пойти в садочек,
Мой цветочек поливать,
А там горбатый человек,
Вроде как зовет гулять, —*

говорится в одной непостижимо загадочной народной песне³. Это тоже некто из забвения — горбатый человек, которого мы когда-то знали, и тогда он жил в мире и покое, а теперь, забытый, он заступил нам дорогу в будущее. И, конечно же, в высшей степени знаменательно, что образ человека глубочайшей религиозности,

¹ Ibidem, S. 196. (Примеч. автора.)

² «Заботы отца семейства», «Гибрид» — рассказы Кафки, «Превращение» — одна из самых знаменитых его новелл.

³ Песня из знаменитого сборника немецких народных песен «Волшебный рог мальчика», собранного Арнимом и Брентано (Том 3, раздел «Детские песни», № 29).

человека праведного, Кафка если не сам создал, то распознал — и в ком же? Ни в ком другом, как в Санчо Пансе, который избавился от промискуитета с демоном благодаря тому, что сумел подсунуть тому вместо себя другой предмет, после чего уже мог вести спокойную жизнь, в которой ему ничего не нужно было забывать.

«Санчо Панса, — гласит это столь же краткое, сколь и поразительное толкование, — умудрился с годами настолько отвлечь от себя своего беса, которого он позднее назвал Дон Кихотом, что тот стал совершать один за другим безумнейшие поступки, каковые, однако, благодаря отсутствию облюбованного объекта, — а им-то как раз и должен был стать Санчо Панса — никому не причиняли вреда. Человек свободный, Санчо Панса, по видимому, из какого-то чувства ответственности хладнокровно сопровождал Дон Кихота в его странствиях, до конца дней находя в этом увлекательное и полезное занятие»¹.

Если всеобъемлющие романы писателя — это тщательно обработанные поля, которые он нам оставил, тогда новый том его малой прозы, из которого взята и эта притча, — это котомка сеятеля, а в котомке зерна, и сила у зерен природная, такая, что они, как мы теперь знаем, даже тысячелетия пролежав в гробнице, будучи извлеченными на свет, все равно дадут всходы.

Перевод с немецкого М. Л. Рудницкого

¹ Цитируется притча Кафки «Правда о Санчо Пансе» (*перевод С. Анта*).

ЗАМОК

ГЛАВА ПЕРВАЯ ПРИБЫТИЕ

К. прибыл поздно вечером^{1*}. Деревня тонула в глубоком снегу². Замковой горы не было видно. Туман и тьма закрывали ее, и огромный Замок³ не давал о себе знать ни малейшим проблеском света. Долго стоял К. на деревянном мосту, который вел с проезжей дороги в Деревню⁴, и смотрел в кажущуюся пустоту.

Потом он отправился искать ночлег. На постоялом дворе еще не спали, и хотя комнат хозяин не сдавал, он так растерялся и смутился приходом позднего гостя, что разрешил К. взять соломенный тюфяк и лечь в общей комнате. К. охотно согласился. Несколько крестьян еще допивали пиво, но К. ни с кем не захотел разговаривать, сам стащил тюфяк с чердака и улегся у печки. Было очень тепло, крестьяне не шумели, и, окинув их еще раз усталым взглядом, К. заснул.

Но вскоре его разбудили. Молодой человек с лицом актера — узкие глаза, густые брови — стоял над ним рядом с хозяином. Крестьяне еще не разошлись, некоторые из них повернули стулья так, чтобы лучше видеть и слышать. Молодой человек очень вежливо попросил прощения за то, что разбудил К., представился — сын кастеляна⁵ Замка — и затем сказал: «Эта Деревня принадлежит Замку, и тот, кто здесь живет или ночует, фактически живет

* См. примечания в конце книги. (Примеч. составителя.)

и ночует в Замке. А без разрешения графа это никому не дозволяется. У вас такого разрешения нет, по крайней мере вы его не предъявили».

К. привстал, пригладил волосы, взглянул на этих людей снизу вверх и сказал: «В какую это Деревню я попал? Разве здесь есть Замок?»

«Разумеется, — медленно проговорил молодой человек, а некоторые окружающие поглядели на К. и покачали головами. — Здесь находится Замок графа Вествеста⁶».

«Значит, надо получить разрешение на ночевку?» — переспросил К., словно желая убедиться, что ему эти слова не приснились.

«Разрешение надо получить обязательно, — ответил ему молодой человек и с явной насмешкой над К., разведя руками, спросил хозяина и посетителей: — Разве можно без разрешения?» «Что же, придется мне достать разрешение», — сказал К., зевнув и откинув одеяло, словно собирався встать.

«У кого же?» — спросил молодой человек.

«У господина графа, — сказал К., — что же еще остается делать?»

«Сейчас, в полночь, брать разрешение у господина графа?» — воскликнул молодой человек, отступая на шаг.

«А разве нельзя? — равнодушно спросил К. — Зачем же тогда вы меня разбудили?»

Но тут молодой человек совсем вышел из себя. «Привыкли бродяжничать? — крикнул он. — Я требую уважения к графским служащим. А разбудил я вас, чтобы вам сообщить, что вы должны немедленно покинуть владения графа».

«Но довольно ломать комедию, — нарочито тихим голосом сказал К., ложась и натягивая на себя одеяло. — Вы слишком много себе позволяете, молодой человек, и завтра мы еще поговорим о вашем поведении. И хозяин, и все эти господа могут все подтвердить, если вообще понадобится подтверждение. А я только могу вам доложить, что я тот землемер⁷, которого граф

вызвал к себе. Мои помощники со всеми инструментами подъедут завтра. А мне захотелось пройтись по снегу, но, к сожалению, я несколько раз сбивался с дороги и потому попал сюда так поздно. Я знал и сам, без ваших наставлений, что сейчас не время являться в Замок. Оттого я и удовольствовался этим ночлегом, который вы, мягко выражаясь, нарушили так невежливо. На этом мои объяснения кончены. Спокойной ночи, господа!» И К. повернулся к печке. «Землемер?» — услышал он чей-то робкий вопрос за спиной, потом настала тишина. Но молодой человек тут же овладел собой и сказал хозяину голосом достаточно сдержанным, чтобы подчеркнуть уважение к засыпающему К., но все же достаточно громким, чтобы тот услышал: «Я справлюсь по телефону⁸». Значит, на этом постоялом дворе есть даже телефон? Превосходно устроились. Хотя кое-что и удивляло К., он, в общем, принял все как должное. Выяснилось, что телефон висел прямо над его головой, но спросонья он его не заметил. И если молодой человек станет звонить, то, как он ни старайся, сон К. обязательно будет нарушен, разве что К. не позволит ему звонить. Однако К. решил не мешать ему. Но тогда не было смысла притворяться спящим, и К. снова повернулся на спину. Он увидел, что крестьяне робко сбились в кучку и переговариваются; видно, приезд землемера — дело немаловажное. Двери кухни распахнулись, весь дверной проем заняла мощная фигура хозяйки⁹, и хозяин, подойдя к ней на цыпочках, стал что-то объяснять. И тут начался телефонный разговор. Сам кастелян спал, но помощник кастеляна, вернее, один из его помощников, господин Фриц, оказался на месте. Молодой человек, назвавший себя Шварцером, рассказал, что он обнаружил некоего К., человека лет тридцати, весьма плохо одетого, который преспокойно спал на соломенном тюфяке, положив под голову вместо подушки рюкзак, а рядом с собой — суковатую палку. Конечно, это вызвало подозрение, и так как хозяин явно пренебрег своими обязанностями, то он, Шварцер, счел

своим долгом вникнуть в его дело как следует, но К. весьма неприязненно отнесся к тому, что его разбудили, допросили и пригрозили выгнать из владений графа, хотя, может быть, рассердился он по праву, так как утверждает, что он землемер, которого вызвал сам граф. Разумеется, необходимо, хотя бы для соблюдения формальностей, проверить это заявление, поэтому Шварцер просит господина Фрица справиться в Центральной канцелярии, действительно ли там ожидают землемера, и немедленно сообщить результат по телефону.

Стало совсем тихо; Фриц наводил справки, а тут ждали ответа. К. лежал неподвижно, он даже не повернулся и, не проявляя никакого интереса, уставился в одну точку. Недоброжелательный и вместе с тем осторожный доклад Шварцера говорил о некоторой дипломатической подготовке, которую в Замке, очевидно, проходят даже самые незначительные люди вроде Шварцера. Да и работали там, как видно, на совесть, раз Центральная канцелярия была открыта и ночью. И справки выдавали, как видно, сразу: Фриц позвонил тут же. Ответ был, как видно, весьма короткий, и Шварцер злобно бросил трубку. «Как я и говорил! — закричал он. — Никакой он не землемер, просто гнусный враль и бродяга, а может, и похуже».

В первую минуту К. подумал, что все — и крестьяне, и Шварцер, и хозяин с хозяйкой — бросятся на него. Он нырнул под одеяло — хотя бы укрыться от первого наскока. Но тут снова зазвонил телефон, как показалось К., особенно громко. Он осторожно высунул голову. И хотя казалось маловероятным, что звонок касается К., но все остановились, а Шварцер подошел к аппарату. Он выслушал длинное объяснение и тихо проговорил: «Значит, ошибка? Мне очень неприятно. Как, звонил сам начальник Канцелярии? Странно, странно. Что же мне сказать господину землемеру?»

К. насторожился. Значит, Замок утвердил за ним звание землемера. С одной стороны, это было ему невыгодно,

так как означало, что в Замке о нем знают все что надо и, учитывая соотношение сил, шутя принимают вызов к борьбе. Но с другой стороны, в этом была и своя выгода: по его мнению, это доказывало, что его недооценивают и, следовательно, он будет пользоваться большей свободой, чем предполагал. А если они считают, что этим своим безусловно высокомерным признанием его звания они смогут держать его в постоянном страхе, то тут они ошибаются: ему стало немного жутко, вот и все.

К. отмахнулся от Шварцера, когда тот робко попытался подойти к нему, отказался, несмотря на уговоры, перейти в комнату хозяев, только принял из рук хозяина стакан питья, а от хозяйки — таз для умывания и мыло с полотенцем; ему даже не пришлось просить очистить зал, так как все уже теснились у выхода, отворачиваясь от К., чтобы он утром никого не узнал. Лампу погасили, и наконец его оставили в покое. Он уснул глубоким сном и, хотя его раза два будили шмыгавшие мимо крысы, проспал до самого утра.

После завтрака — и еду, и пребывание К. в гостинице должен был, по словам хозяина, оплатить Замок — К. собрался идти в Деревню. Но так как хозяин, с которым он, памятуя его вчерашнее поведение, говорил только по необходимости, все время молча, с умоляющим видом, вертелся около него, К. сжалился над ним и разрешил ему присесть рядом.

«С графом я еще незнаком, — сказал он, — говорят, он за хорошую работу хорошо и платит, верно? Когда уедешь, как я, далеко от семьи, хочется привезти домой побольше».

«Об этом пусть господин не беспокоится, на плохую оплату здесь еще никто не жаловался». «Да я и не робкого десятка, — сказал К., — могу настоять на своем и перед графом, но, конечно, куда лучше поладить миром с этим господином».

Хозяин примостился напротив К. на самом краешке подоконника — усестся поудобнее он не решался — и не сводил с К. больших карих испуганных глаз. И хотя

перед этим он сам все время ходил около К., но теперь, как видно, ему не терпелось сбежать. Боялся он, что ли, распросов про графа? Или боялся, что «господин», которого он видел в К., — человек ненадежный? К. решил его отвлечь. Взглянув на часы, он сказал: «Скоро подъедут и мои помощники, сможешь ли ты пристроить их тут?»

«Конечно, сударь, но разве они не будут жить вместе с тобой в Замке?»

Неужели он так легко и охотно отказывается от постояльцев, и от К. в особенности, считая, что тот непременно будет жить в Замке?

«Это не обязательно, — сказал К., — сначала надо узнать, какую мне дадут работу. Если, к примеру, придется работать тут, внизу, то и жить внизу будет удобнее. К тому же я боюсь, что жизнь в Замке окажется не по мне. Хочу всегда чувствовать себя свободно».

«Не знаешь ты Замка», — тихо сказал хозяин.

«Конечно, — сказал К., — заранее судить не стоит. О Замке я покамест знаю только то, что там умеют подобрать для себя хороших землемеров. Но возможно, там есть и другие преимущества». И К. встал, чтобы освободить от своего присутствия хозяина, беспокойно кусавшего губы. Не так-то легко было завоевать доверие этого человека.

Выходя, К. обратил внимание на темный портрет в темной раме, висевший на стене. Он заметил его и раньше, со своего тюфяка, но издали не разглядел как следует и подумал, что картина была вынута из рамы и осталась только черная доска. Но теперь он увидел, что это был портрет, поясной портрет мужчины лет пятидесяти. Его голова была опущена так низко, что глаз почти не было видно и четко выделялся только высокий выпуклый лоб да крупный крючковатый нос. Широкая борода, прижатая наклоном головы, резко выдавалась вперед. Левая рука была запущена в густые волосы, но поднять голову вверх никак не могла.

«Кто такой? — спросил К. — Граф?»

«Нет, — сказал хозяин, — это кастелян».

«Красивый у них в Замке кастелян, сразу видно, — сказал К., — жаль только, что сын у него неудачный». «Нет, — сказал хозяин, притянул к себе К. и зашептал ему на ухо: — Шварцер вчера наговорил лишнего, его отец всего лишь помощник кастеляна, да и то из самых низших». К. показалось, что в эту минуту хозяин стал похож на ребенка. «Каков негодяй!» — засмеялся К., но хозяину было, очевидно, не до смеха. «Его отец тоже человек могущественный!» — сказал он. «Брось! — сказал К. — Ты всех считаешь могущественными. Наверно, и меня тоже?» «Тебя? — сказал тот робко, но решительно. — Нет, тебя я могущественным не считаю». «Однако ты неплохо все подмечаешь, — сказал К. — Откровенно говоря, никакого могущества у меня действительно нет. Должно быть, оттого я не меньше тебя уважаю всякую власть, только я не так откровенен, как ты, и не всегда желаю в этом сознаваться». И К. слегка похлопал хозяина по щеке — хотелось и утешить его, и снискать больше доверия к себе. Тот смущенно улыбнулся. Он и вправду был похож на мальчишку — лицо мягкое, почти безбородое. И как это ему досталась такая толстая, немолодая жена, — через оконце в стене было видно, как она, широко расставив локти, хозяйничает на кухне. Но К. не хотел сейчас спрашивать хозяина, боясь прогнать эту улыбку, вызванную с таким трудом. Он только кивком попросил открыть ему двери и вышел в погожее зимнее утро.

Теперь весь Замок ясно вырисовывался в прозрачном воздухе, и от тонкого снежного покрова, целиком одевавшего его, все формы и линии выступали еще отчетливее. Вообще же там, на горе, снега как будто было меньше, чем тут, в Деревне, где К. пробирался с не меньшим трудом, чем вчера по дороге. Тут снег подступал к самым окнам избышек, навстречу тяжело нависали с низких крыш сугробы, а там, на горе, все высилось свободно и легко — так по крайней мере казалось снизу.

Весь Замок, каким он виделся издалека, вполне соответствовал ожиданиям К. Это была и не старинная рыцарская крепость, и не роскошный новый дворец, а целый

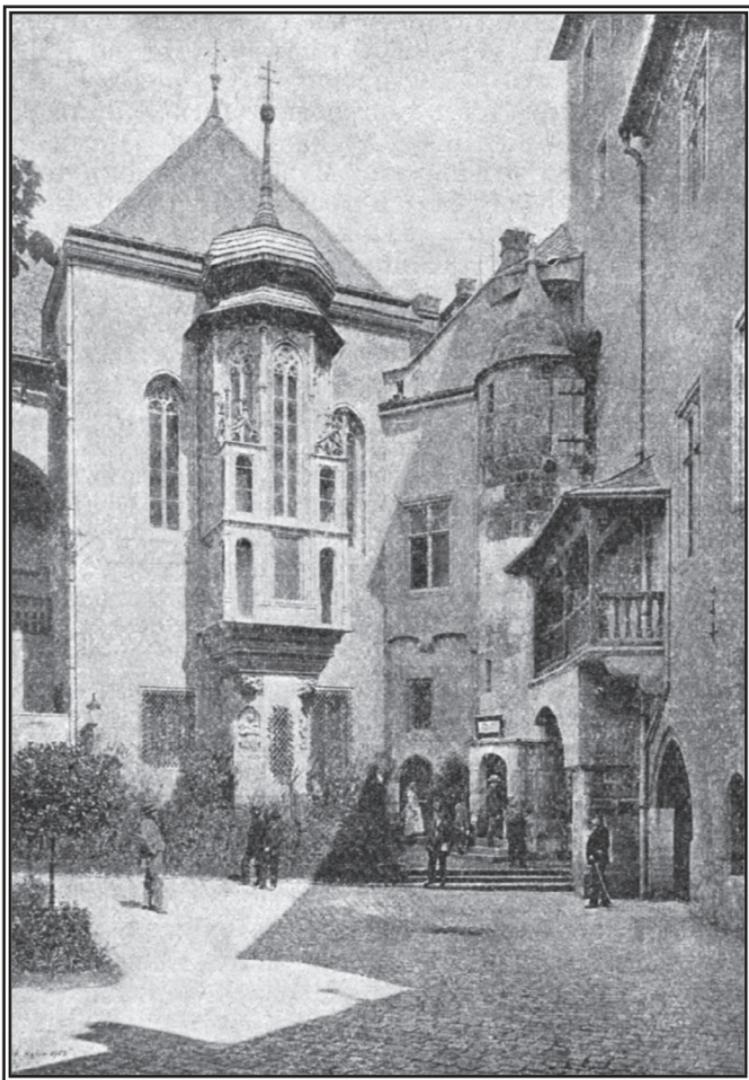

*Весь Замок, каким он виделся издалека,
вполне соответствовал ожиданиям К.
Это была и не старинная рыцарская крепость,
и не роскошный новый дворец, а целый ряд строений,
состоящий из нескольких двухэтажных и множества
тесно прижавшихся друг к другу низких зданий.*

ряд строений, состоящий из нескольких двухэтажных и множества тесно прижавшихся друг к другу низких зданий, и, если бы не знать, что это Замок, можно было бы принять его за городок. К. увидел только одну башню, то ли над жилым помещением, то ли над церковью — разобратить было нельзя. Стаи ворон кружились над башней.

К. шел вперед, не сводя глаз с Замка, — ничто другое его не интересовало. Но чем ближе он подходил, тем больше разочаровывал его Замок, уже казавшийся просто жалким городком, чьи домишки отличались от изб только тем, что были построены из камня, да и то штукатурка на них давно отлепилась, а каменная кладка явно крошилась. Мельком припомнил К. свой родной городок; он был ничуть не хуже этого так называемого Замка. Если бы К. приехал лишь для его осмотра, то жалко было бы проделанного пути, и куда умнее было бы снова навестить далекий родной край, где он так давно не бывал. И К. мысленно сравнил церковную башню родного города с этой башней наверху. Та башня четкая, бестрепетно идущая кверху, с широкой кровлей, крытой красной черепицей, вся земная — разве можем мы строить иначе? — но устремленная выше, чем приземистые домишки, более праздничная, чем их тусклые будни. А эта башня наверху — единственная, какую он заметил, башня жилого дома, как теперь оказалось, а быть может, и главная башня Замка — представляла собой однообразное круглое строение, кое-где словно из жалости прикрытое плющом, с маленькими окнами, посверкивающими сейчас на солнце — в этом было что-то безумное — и с выступающим карнизом, чьи зубцы, неустойчивые, неровные и ломкие, словно нарисованные пугливой или небрежной детской рукой, врезались в синее небо. Казалось, будто какой-то унылый жилец, которому лучше всего было бы запереться в самом дальнем углу дома, вдруг пробил крышу и высунулся наружу, чтобы показаться всему свету.

К. снова остановился, как будто так, не на ходу, ему было легче судить о том, что он видел. Но ему помешали.

А эта башня наверху... представляла собой однообразное круглое строение, кое-где словно из жалости прикрытое плющом, с маленькими окнами, посверкивающими сейчас на солнце... и с выступающим карнизом, чьи зубцы, неустойчивые, неровные и ломкие, словно нарисованные пугливой или небрежной детской рукой, врезались в синее небо.

Содержание

<i>Вальтер Беньямин. Франц Кафка:</i> <i>как строилась китайская стена</i>	3
Замок	12
Варианты и вычеркнутые места	328
Примечания	412